

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Скрижали Бессмертных Богов – бесценный артефакт, многие тысячелетия охраняющийся могущественной цивилизацией Древнего Египта. Древние жрецы сделали все возможное, чтобы великая тайна не попала в руки непосвященных, ведь тогда свершится нечто ужасное...

Лариса КАПЕЛЛЕ

Скрижали бессмертных богов

Артефакт & Детектив

Лариса Капелле

Скрижали бессмертных богов

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Капелле Л.

Скрижали бессмертных богов / Л. Капелле — «Эксмо»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-82073-3

Верховный жрец храма бога Ра Нектанеб был серьезно озабочен: участившиеся случаи разграбления гробниц фараонов и жрецов навели его на мысль, что в опасности находится великая древняя святыня – Скрижали Бессмертных. Чтобы не дать им попасть в руки непосвященных, Нектанеб и Верховный жрец храма Сета Саурэ разделили таблички и, выбрав наиболее верных людей в хранители, вывезли реликвию из Египта... Кася Кузнецова волей судьбы оказалась свидетелем обнаружения захоронения хазарского кагана Булана. В руках покойника был крепко зажат ларец с табличками из непонятного материала. На одной из них археологи с изумлением обнаружили записанной главу из египетской «Книги Мертвых»! Вскоре на месте раскопок прогремел взрыв, руководитель экспедиции погиб, а таблички бесследно исчезли...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82073-3

© Капелле Л., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лариса Капелле
Скрижали бессмертных богов

© Капелле Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

Первый раунд

Лондон, 1861 год

На дворе стоял октябрь. Здесь, в одном из самых приятных кварталов Лондона, воздух был прозрачен, наполнен этим особым ароматом осени с запахом прелых листьев, устилавших тротуар, и свежестью приближающихся первых морозов.

Здесь не было ни дыма от заводов и фабрик, ни плотно населенных домов, ни зловония городских трущоб. Даже туман, поднимавшийся от реки, не казался смутным и угрожающим, как в других частях Лондона. Все вокруг было ухоженным, пристойным, все говорило о благополучии и состоятельности его обитателей.

Джошуа Пинскер отпустил кеб двумя кварталами выше и отправился пешком, с удовольствием вдыхая чистый воздух. Осенний вечер опускался быстро, но огонь газовых фонарей пока успешно справлялся с опускавшимся на город мраком. Джошуа шел не торопясь, ему необходимо было время, чтобы обдумать свое предстоящее выступление. Это был невысокий мужчина пятидесяти девяти лет, всю свою жизнь посвятивший единственной страсти – изучению истории занесенного песками прошлого, загадочного и неповторимого Древнего Египта. Он уже несколько раз участвовал в археологических экспедициях, находки которых буквально взбудоражили египтологов всего цивилизованного мира. Однако в них он играл далеко не первые роли, и широкой публике имя его знакомо не было. Но сегодня все могло измениться. Открытие, которое Пинскер готовился представить, не просто вписало бы еще одну страницу в современную египтологию, оно просто-напросто взорвало бы все существующие представления о Древнем Египте. Он загадочно улыбнулся: о Древнем Египте – конечно, но не только. И заслуга в этом будет принадлежать ему, выходцу из скромной еврейской бирмингемской семьи.

Джошуа еще раз полной грудью вдохнул свежий вечерний воздух и постучался в парадную дверь нового, импозантного особняка классического образца тяжелого и сурового викторианского стиля. Через несколько секунд ему открыли. На пороге стояла миловидная горничная в сером шерстяном платье, в белоснежном, накрахмаленном до хруста чепце с кружевами и в таком же кокетливом переднике.

– Вас ждут, – скромно улыбнулась она.

– Дорогой Джошуа, рад тебя видеть. Все уже на месте, ждем только тебя! – уже спешил ему навстречу хозяин дома, полковник Морис Вестфорд.

Имя полковника было известно не только в военных и политических кругах, но и среди ученого люда столицы империи. Будучи членом целого ряда известных географических и исторических обществ, полковник занимал не последнее место в ряде претендентов на избрание в действительные члены королевской академии. Морису не хватало только нескольких голосов, обладатели которых вполне могли изменить свое мнение после сегодняшнего доклада Пинскера. Большую часть своей военной карьеры Вестфорд сделал в Египте. Сейчас же он вышел в отставку, но продолжал жить между Лондоном и Каиром. И его коллекция египетских древностей была одной из самых впечатляющих частных коллекций. Будучи вдовцом, давно и благополучно выдав замуж своих троих дочерей, устроив единственному сыну военную карьеру, полковник располагал теперь огромным количеством свободного времени и был абсолютно не ограничен в средствах. Именно он финансировал их последнюю с Пинскером экспедицию, предмет поисков которой и Морис, и Джошуа старались особенно не разглашать.

– Сегодня особый день! – произнес после короткого сердечного приветствия полковник.

На его подвижном как ртуть лице выражения сменялись с космической скоростью, но все они говорили об одном: Вестфорд был счастлив и горд. Вполне естественно, что, разделив

тернии, он готовился разделить и путь к звездной славе. В этом оба были полностью уверены. Открытие того стоило.

Появление гостя и хозяина в ярко освещенной гостиной встретил гомон исключительно мужской компании.

Полковник и его гость обошли одного за другим всех присутствующих. Некоторых Пинскер знал. Некоторым был представлен впервые. Можно сказать, что полковнику удалось собрать в рекордно короткие сроки всех самых компетентных и уважаемых египтологов Объединенного Королевства. Присутствовали и несколько представителей высшего общества – Палаты Лордов и Палаты Общин. Джошуа раньше и мечтать не мог о подобном признании. Несмотря на то что представители еврейской общины были уравнены в правах со всеми остальными подданными Объединенного Королевства, несмотря на блестящую карьеру сэра Дизраэли и многих других, предубеждения против них никуда не исчезли. Тем более если отец Джошуа, Натан Пинскер, принадлежал к бирмингемской буржуазии, то отец матери, Ребекки, Зарах Беркович был раввином из никому не известного литовского городка. Но именно благодаря Зараху Джошуа стало известно о существовании тайны. Точнее сказать, благодаря другу Зараха – караимскому гахаму Йефету Сарачу. Джошуа улыбнулся: старый Йефет перевернулся бы в могиле, узнав, каким образом он собирался использовать доверенный ему секрет. Но, в конце концов, все это было ненужным фольклором, новое время не нуждалось в старых легендах, цивилизация двигалась вперед семимильными шагами, и он готовился внести решающий вклад в развитие исторической науки. Наконец Вестфорд и Пинскер остановились около группы мужчин, что-то оживленно обсуждающих. Джошуа встретили с энтузиазмом.

– Правда ли, что речь пойдет о самом загадочном периоде истории Египта – гибели Древнего царства? – спросил Пинскера мужчина с круглым и добродушным лицом деревенского сквайра. Несмотря на свой безобидный вид, Симон Андерсон считался одним из лучших специалистов по истории Ближнего Востока.

– В определенной мере, да, – склонил голову в знак согласия Джошуа, – я коснусь этого вопроса в моем докладе.

– Замечательно! – в восторге потер руки Андерсон. – Я и сам много лет изучаю этот период, странный и символический. Сначала гибель фараона Тети Второго в результате заговора. Представить только, фараона убили ближние и доверенные люди. Поднять руку на фараона было в те времена все равно что поднять руку на Бога. На самом деле такое огромное количество вопросов остается в подвешенном состоянии, и никакого ответа – даже намек на ответ – нет!

– Вы – оптимист, коллега, – покачал головой второй участник разговора, высокий сухой джентльмен, в котором Пинскер с радостью узнал Гудвина Оливера, известного археолога, действительного члена большинства существующих европейских – и не только европейских – академий наук.

– Что вы имеете в виду, говоря о моем оптимизме? – насупился первый.

– Надежду, что ответы на все вопросы египтологии когда-нибудь найдутся, – усмехнулся второй.

– Эти двое, – рассмеялся кто-то за спиной Пинскера, – всегда найдут повод поссориться!

– Иначе, дорогой Гудвин, нет никакого смысла в нашем существовании, вы не находите? – парировал Андерсон. – И, кстати, приведите пример вопроса, на который, на ваш взгляд, невозможно найти ответ?

– О, таких вопросов огромное множество, – протянул Оливер.

– Хотя бы один, – продолжал подзадоривать его собеседник.

– Ну, начнем: первая пирамида Джосера и ее создатель Имхотеп. Кем был на самом деле этот человек?

– Гением! – уверенно ответил Андерсон.

– Даже для гения не слишком ли многовато... – задумчиво протянул Гудвин Оливер. – Гениальный зодчий, врач, ученый, писатель. К его заслугам принадлежит строительство первой ступенчатой пирамиды в Саккаре, изобретение колонны, творение храма в Эдфу. Тот же Имхотеп – первый известный медик, автор самого известного в Древнем мире фундаментального медицинского исследования, который знал больше об анатомии и функциях человеческого тела, чем его далекие потомки чуть ли не до XVII века, то есть страшно даже сказать, настолько эта цифра кажется нереальной – 44 века спустя! Тот же Имхотеп – талантливый писатель и автор первого литературного поучения. И, пожалуй, самое странное... не хочу показаться вольнодумцем... – Оливер остановился и замолчал.

– Чего вы боитесь, коллега, неужели в наш просвещенный век мы не имеем права говорить о том, о чем думаем? – с оттенком издевки произнес Андерсон.

– Имхотеп изобрел бога! – наконец решился Оливер.

– Не говорите, что вы отравлены этим нелепым учением выскочки Дарвина! – воскликнул Симон.

Джошуа с замиранием сердца слушал рассуждения ученых мужей. «Почему они заговорили об Имхотепе? Неужели кто-то из проводников экспедиции проговорился?» – запаниковал он и беспомощно обернулся, ища глазами Вестфорда.

– А может быть, Имхотеп просто сам был богом?! – проговорил третий участник разговора, до сих пор молча слушавший спорщиков.

Этого человека Пинскер не знал, и, не зная почему, он почувствовал исходящую от него опасность. «Надо успокоиться! – приказал он сам себе. В последнее время стали сдавать нервы, и, если бы не Морис с его спокойствием закаленного в боях военного, Джошуа бы сорвался. Но, чувствуя поддержку Вестфорда, Пинскер держался. Теперь же ему по-настоящему стало не по себе. Кто-то в этой гостиной, несомненно, знал больше, нежели говорил. Ему вспомнилось предостережение старого Зараха: «Тайна должна умереть вместе с тобой, мой мальчик, с этого момента у тебя просто нет другого выхода!» Раньше все это казалось ему рассуждениями обезумевшего старика, но чем ближе был его доклад, тем страшнее ему становилось. Но Джошуа не желал поддаваться паническим настроениям. Он поглубже вздохнул, стараясь скрыть охвативший его трепет. Заметив побледневшего от исключительного волнения Джошуа, Вестфорд одним знаком подозвал мажордома и вполголоса распорядился:

– Отведите господина Пинскера в библиотеку и принесите ему освежающие напитки. – И приказным тоном добавил: – Джошуа, тебе надо отдохнуть.

Тот только кивнул головой и последовал за мажордомом. Библиотека была небольшой, но прекрасно и разумно обустроенной. Одну стену полностью занимали огромные окна, выходящие в сад. Днем, несомненно, она была залита светом, хотя сейчас была погружена в полумрак, только письменный стол и примыкающий к нему шкаф были освещены тремя газовыми рожками. Три другие стены занимали высокие книжные шкафы, заполненные до отказа книгами. Пинскер не без зависти вздохнул. Он никогда не жаждал богатства, но всегда мечтал о подобном кабинете, в котором было приятно не только работать, но и просто проводить время. Он подошел к небольшому комоду, на котором мажордом предусмотрительно оставил графин с ледяной водой и бутылку отличного французского арманьяка. Джошуа, не раздумывая, налил полстакана арманьяка и тут же опустошил его. Напиток горячей волной пробежал по телу, и дрожь остановилась. Внезапно он уловил в комнате какое-то странное движение. Огляделся: все было спокойно. Он явно ошибся. Заколебался, выпить ли ему еще или нет, но удержался. Надо было сохранять ясность мысли. Его ждали в гостиной, и на ошибку он права не имел. Вдохнул полной грудью, пробежал еще раз глазами вынутые из внутреннего кармана шесть листов белой бумаги, исписанные торопливым бисерным почерком. Вернулся к стойке и выпил на этот раз стакан холодной воды, от которой заломило зубы. В этот момент из темноты выступил маленький, почти детский, силуэт. Джошуа повернулся и выдохнул:

– Ты?!

– Да, я, – подтвердил остававшийся в тени силуэт.

– Что привело тебя сюда?

– Вот это! – выступившая из полумрака рука показывала на белевшие на письменном столе листки.

– Это тебя не касается! – с беспричинной резкостью ответил Джошуа и одним быстрым движением собрал листки.

– Ты нарушил наш уговор! – грустно сказал голос. – Ты забыл слова Зараха, ты предал доверие Йефета!

– Оставь эти разговоры для кого-нибудь другого! – возмутился Пинскер. – И вообще, какое ты имеешь право находиться здесь! Если бы я не помнил о нашей детской дружбе, я вызвал бы слуг, и они выпроводили бы тебя или отправили в тюрьму. Но я тебе даю возможность исчезнуть!

– Ты не злой человек, просто ты ошибаешься, Джошуа. Ты не должен этого делать, остановись, пока не поздно, – мягко и грустно произнес силуэт. – Ты не имеешь права!

– Я – свободный человек.

– А теперь ты станешь еще свободнее, – без всякой угрозы, все так же мягко и грустно ответил голос.

Силуэт легко приблизился к Джошуа, тот попытался отшатнуться, но было уже поздно. Через доли секунды тело Джошуа Пинскера тяжело рухнуло на пол. Силуэт торопливо обыскал карманы, открыл окно, но выпрыгивать из него не стал, только бросил на землю массивную серебряную пепельницу. Потом собрал со стола и камина несколько безделушек, открыл дверь и исчез в одном из коридоров.

Через пару минут в дверь постучали. Мажордом, не дождавшись ответа, открыл дверь:

– Господин Пинскер, вас ждут...

Прошел внутрь и увидел лежащего в луже крови Джошуа. Не теряя самообладания, мажордом позвал горничную и приказал найти полковника. Вызвали полицию. Та обыскала весь дом, гости были опрошены и с извинениями отпущены. Потом пришел черед слуг, но никто ничего не видел и не знал. Для комиссара округа дело было абсолютно ясным и понятным. Джошуа оказался в плохом месте в неудачный момент. Свет в библиотеке был приглушенным. Мажордом прекрасно помнил, что господин Пинскер желал оставаться в полутьме. Следовательно, вор никоим образом не рассчитывал встретить кого-либо в библиотеке. Комиссар даже в лицах изобразил происшедшее. Вор проникает в библиотеку, неожиданно натывается на Пинскера, паникует, убивает, собирает все, что имеет в его глазах какую-либо ценность, и исчезает через окно.

Только полковник Вестфорд упрямо стоял и никак не желал согласиться с выводом полиции, говоря, что Пинскера убили не случайно. Но когда комиссар задавал ему вопросы о возможных причинах, ответы были более чем обтекаемые. Полковник говорил о каком-то открытии, касающемся – подумать только – древнеегипетской тайны. Полковник, конечно, был человеком уважаемым. Но признать, что Джошуа Пинскера могли убить из-за какого-то там археологического или какого-то другого открытия, ни один человек в здравом уме не мог. Вестфорд настоял на обыске в доме Пинскера, но ничего особенного никто не нашел. Морис доказывал, что кража – всего лишь маскировка, но никто его не слушал. Кончилось тем, что раздраженный комиссар вежливо намекнул полковнику: мол, если бы дело касалось убийства какого-либо важного представителя английского общества, самого полковника, например, то, возможно, он бы и покопал дальше. Но Джошуа был человеком незначительным. А у незначительного человека особо коварных врагов не бывает. Это доподлинно известно любому нормальному, даже не работающему в полиции человеку.

В общем, несмотря на протесты Вестфорда, дело об убийстве господина Джошуа Пинскера было закрыто. Только одному человеку было известно больше, чем он говорил. Это был четырнадцатилетний сын угольщика, к которому обычно обращался мажордом, когда запасы угля истощались, а обычные поставщики не могли снабдить необходимым в максимально короткие сроки. Он не стал признаваться, что этим вечером уголь принес не он, а маленький мужчина со странным акцентом. За молчание ему было хорошо заплачено, безделушки, лежавшие на дне большой корзины, он выкинул в реку, а на сто фунтов его родители наконец смогли купить небольшой, но чистенький домик на западной окраине Лондона. А тайна гибели Джошуа Пинскера маленького сына угольщика совершенно не касалась. Господа жили в мире, в который доступа таким, как он, не было. А возможностью вырваться из черной клоаки лондонских трущоб пренебречь он не мог. У каждого была своя судьба, и раз так было написано, что Джошуа Пинскеру суждено умереть, значит, так тому и быть. Это мальчик твердо усвоил во время воскресных проповедей приходского священника отца Реджинальда. Значит, и никаких сожалений и угрызений совести быть не могло. Он просто стал орудием в руках Господа, в этом мальчик, ставший всего через несколько лет мужчиной, никогда не усомнился.

* * *

Наши дни, египетский курорт Шарм-эль-Шейх

Внимание расположившегося в холле четырехзвездочного отеля Вадима Головина привлекла странная парочка. Мужчина средних лет и среднего телосложения был явно растерян. Его выпуклые глаза слегка косили, и капельки пота проступили на лбу. Невооруженным глазом было видно, что он чувствует себя не в своей тарелке. Зато женщина вышагивала как на параде: высокая, пышногрудная, в обтягивающей крупные бедра и стройные ноги юбке. Только лицо было немного невыразительным. Впрочем, выразить что-либо этому лицу было незачем, мужчины вряд ли уделяли ему много внимания, предпочитая заглядываться на более аппетитные части тела. «Явно чужую бабу к себе приволок», – промелькнуло в голове Вадима. Но, бросив внимательный взгляд на спутницу семяющего с потерянными видом представителя сильной половины человечества, догадался: «Мужик проститутку снял, а что делать, не знает!» – усмехнулся Вадим. И тут же гордо распрямился. Он уж какую хочешь себе бабу найдет, а этот только за плату, и то за высокую!

Вадим зашел в свой номер и слегка сморщился. Ирина расположилась на постели в соблазнительной позе. Он не мог не признать, что белое кружевное белье на загоревшем теле выглядело эффектно. Но именно это его и начало раздражать в Ирине. Как ни странно, но в простой футболке она смотрелась бы в его глазах гораздо сексуальнее, чем в этой надуманной глянцево-журнальной обстановке. Ирина брала уроки сценического искусства и представляла свое будущее в двух вариантах: кинозвезды-телезвезды или жены богатого бизнесмена. Именно к таковым она и относилась Вадима. Тому вначале все это польстило, но чем дальше, тем больше стало раздражать. Тем более к очень богатым отнести он себя не мог, и нравящийся Ирине образ жизни ему явно был не по карману.

В соседнем номере Мордэхай Фиркович уже отчаянно жалел о только что принятом решении. Снятая проститутка стояла посреди номера и, призывно улыбаясь, начала раздеваться. Он неловко засуетился.

– Не переживай, голубчик, – ласково произнесла женщина по-английски, заметив смущение мужчины, и подошла к нему поближе: – Какой секс предпочитаешь?

– Какой? – еще больше смутился Мордэхай.

– Все, что ты хочешь: классика, садо-мазо, можем поиграть, а можем сразу к делу приступить?

Но Мордэхай думал о чем угодно, но только не о видах возможного купленного наслаждения. Он уже проклинал себя за совершенную глупость. Какой черт его попутал? Но курортная атмосфера, горячий влажный воздух, незнакомые ароматы разбудили хорошо упрятанные за годы жизни инстинкты, о существовании которых он совершенно забыл. Сара ушла от него больше двух лет назад. Разочарование, горечь утраты так и остались надежно скрытыми где-то в глубине сердца. «Какой идиот! – промелькнуло в мозгу. – Решил заглушить эту боль шутовским кувырканьем за приличную плату!» Ему стало противно. Он вновь взглянул на полураздетую женщину.

– Я ошибся, возьмите деньги и уходите, я передумал, – как можно тверже сказал Мордэхай и почувствовал невероятное облегчение.

– Ошибся, – растягивая слова, произнесла женщина. – Зато я не ошиблась.

Она подошла к нему совсем близко. Резкий и совсем не летний аромат ее духов буквально оглушил его. Он знал его, но никак не мог вспомнить название. Он сделал движение, чтобы отодвинуться, но женщина задержала его:

– Подожди секунду, я думаю, что неправильно будет брать с тебя за весь сеанс, возьму только половину, – нараспев произнесла она.

С этими словами она наклонилась к нему. Мордэхай отвернулся. Внезапно в его голове мелькнула смутная идея, что что-то тут было не так. И в этот момент он вспомнил название не дававшего ему покоя аромата: «Шалимар». Почему его насторожил этот аромат? Он попытался было понять. Дороговато для проститутки с египетского курорта, все-таки не Лазурный Берег? Он хотел было отшатнуться и получше рассмотреть женщину, но было уже поздно. Его оглушил резкий удар. Мордэхай пришел в себя связанным по рукам и ногам. Он попытался было шевельнуться. Но руки были странно тяжелыми, и никакого движения не получилось. Неужели ему что-то впрыснули в вену? И это средство явно обладало парализующим эффектом, потому что он с ужасом понял, что больше не чувствует собственного тела. Он попытался было пошевелить пальцем, но все было зря. Паника поднялась откуда-то изнутри и захватила все его существо. Он обратил беспомощный взгляд на проститутку. Она же стояла и изучающе его рассматривала. Еле ворочая языком, он спросил:

– Чего вы от меня хотите?

– Я думаю, ты догадался, – лениво растягивая слова, произнесла она.

Он отчаянно замотал головой.

– Не обманывай, не люблю лгунов, будешь врать, будет еще больше, а станешь паинькой, отправишься на встречу с твоим господином быстро и легко.

Мордэхай собрал всю оставшуюся волю. Он должен был сопротивляться и умереть до того, как расскажет что-нибудь. Он молился об одном: «Хоть бы она допустила ошибку и убила меня раньше!» Лихорадочные мысли пронеслись в голове, но ни одной светлой идеи. Тогда, сосредоточив всю свою силу воли, он начал неожиданно умело сопротивляться отчаянному желанию рассказать все ему известное. Нес всякую нелепицу, но на прямые вопросы не отвечал. Но и его противница была не лыком шита. Она терпеливо выслушала его рассказ о детстве и голубях, потом покачала головой, сморщила лоб и, слегка надув губы, нараспев произнесла:

– Что ж, не хочешь по-хорошему. Придется по-плохому... – на этот раз по-английски она говорила без всякого акцента.

Вадим Головин в соседнем номере возмущался. Глухие стоны и вскрики, жужжание каких-то аппаратов, стук, словно переставляли мебель. «Вот козлы, трахаться даже по-нормальному не могут, развели катавасию!» Почему-то происходившее в соседнем номере его изрядно раздражало. Ирину же это нисколько не смущало, она закончила листать глянцевого журнала и опять завела старую песню о главном на тему «давай поженимся». Этих разговоров Вадим терпеть не мог. Какой смысл двум нормальным, современным, самостоятельным людям обременять себя этими узами? Он попытался было сменить тему, но перевести на запасной

путь Ирину не смог бы самый опытный и бывалый демагог. Она упрямо гнула свое, и ее доводы были убедительными. Раздраженный, мужчина выскочил из номера. Ирина, накинув легкий сарафанчик, последовала за ним. Она была полна решимости довести начатый разговор до конца. Уже на улице он, не зная почему, оглянулся на окна соседнего номера и в потрясении застыл. Все последующее происходило словно в замедленной съемке: резкий хлопок взрыва, звон разбивающегося стекла, крики, выбегающие из отеля люди с окровавленными лицами и руками, вой сирен, полиция, оцепляющая квартал. Ирина закричала, потянула изо всех сил его куда-то в сторону, а он послушно, как маленький ребенок, двигался за ней. Молодая женщина и подвела его к подоспевшей машине «Скорой помощи». Потом она что-то говорила, обнимала, плакала, обтирая тампоном с какой-то едкой жидкостью его лицо, израненные осколками руки, совершенно забыв про собственные царапины. Он послушно кивал головой, и одна-единственная мысль крутилась в голове заезженной пластинкой: если бы он опоздал на несколько минут, задержался, то этот день стал бы его последним днем. Вадим только сейчас понял, что только что заглянул в глаза собственной смерти...

* * *

Мужчина сидел за огромных размеров бюро и любовался открывавшейся из окна великолепной панорамой Парижа. Он любил этот кабинет. С самого начала, когда он искал для собственной организации центральный офис в Париже, влюбился в это помещение и заплатил за него на двадцать процентов дороже обновленной цены. Хотя вначале присмотрел что-то более классическое на сороковом этаже одного из небоскребов делового квартала Ла-Дефанс. Некоторые подчиненные даже слегка расстроились, в основном те, кто жил на северо-западе французской столицы, но никто оспаривать не осмелился. Зато ровно через два месяца после покупки цены выросли больше чем на тридцать процентов, а потом и вовсе в два раза. То есть его приобретение оказалось выгодным вложением. Впрочем, это его не удивляло. Он уже привык, что все, к чему прикасался, превращалось в золото. Хотя нельзя сказать, что никакой его заслуги в этом не было. Все было ровным счетом наоборот: все эти превращения происходили исключительно благодаря его дьявольской работоспособности, ловкости, предусмотрительности, предприимчивости, дальновидности, способности находить в любом, даже незначительном, деле никем не видимый потенциал и нюхом чувствовать возможную выгоду. Он был создан для того, чтобы побеждать.

Ничего удивительного в этом не было. Еще в отрочестве он понял, что такое настоящая эволюционная теория. Человеческое общество отличалось от животного только сложностью поведения и внешним лоском цивилизации, но естественный отбор не окончился с развитием и усложнением мира Homo sapiens. Конечно, в начале существования человеческого общества все было проще. Сильные выживали, а слабые исчезали. Постепенно религия и культура оставили место для существования и для слабых, негодных, хилых. Но они должны были быть благодарны сильным за саму возможность выживания и ни в коем случае не иметь доступ к власти. Повелевать должны были те, кто был предназначен для этого самой судьбой.

Мужчина гордился, что был избран для этой роли. И сейчас кругом самых сильных, могущественной и мало кому известной Лигой ему было доверено найти месторасположение святыни, за которой Лига охотилась в течение многих столетий. Он знал, что такое поручение – знак высшего доверия. Оно могло открыть ему двери в святую святых Лиги, в ее высшее руководство: Совет Десяти. Он мог стать одним из десяти самых сильных и влиятельных людей планеты. Такая возможность предоставляется только раз в жизни, и он умело ею воспользовался. Игра ему предстояла сложная, и противников в ней хватало. Но он любил игру и умел побеждать. Все остальное было всего лишь незначительными деталями, и первый раунд начался.

Глава 2

Наказание, равное преступлению

Шломо бен Натан проклинал самого себя. Как он мог быть настолько наивным? Только что он был уважаемым ученым, благополучным жителем Тель-Авива, счастливым мужем и отцом. Но все это было реальным всего лишь несколько минут назад. Теперь же он был распластан на полу собственной гостиной, и страшная, мученическая смерть ожидала его. Но даже не это было самым главным. Он поносил собственную доверчивость. Шломо бен Натан, как только узнал о гибели Мордехая, предпринял все возможные меры предосторожности. Он остерегался всего. Часто менял свои привычные маршруты. Договорился с руководством, что будет приходить в различное время. Сразу заводил машину в гараж. Держал запертыми окна и двери. Уговорил жену с детьми уехать к ее матери. Даже за покупками перестал ездить, заказывая все на дом. Это его и погубило. Один, загнанный в угол, не знающий, к кому обратиться за помощью, он начал пить. Если бы он был трезвым, он не подпустил бы к себе никого, но алкоголь ослабляет бдительность. И сегодня, когда на пороге появилась милая молодая женщина в джинсах и футболке с символом футбольного тель-авивского клуба, он предложил ей зайти. Она наклонилась, чтобы занести коробку с заказанными продуктами. Как истинный джентльмен, он отодвинул девушку и взялся было за коробку, но тут же получил резкий удар по затылку. Когда пришел в себя, было уже поздно. Он попытался было распутать веревки, надежно связывающие его по рукам и ногам.

– Не дергайся, – по-английски произнесла девушка, – только повредишь себе запястья. В этом нет никакого смысла, средство скоро начнет действовать. Даже если сможешь развязаться, далеко не уйдешь. Поэтому, будь добр, не осложняй мне жизнь.

Обращалась она к нему совершенно спокойно, как терпеливая медсестра уговаривает капризного пациента. Он чувствовал, как постепенно немеют ноги. «Что она мне вколола?» – подумал он в отчаянии. Конечности больше его не слушались, но голова работала на удивление ясно.

– Думаю, что ты догадался, почему я здесь?

Он отчаянно помотал головой.

– Обманывать нехорошо, – как маленькому объяснила ему молодая женщина, и острая боль разорвала его мозг. Средство парализовывало, но абсолютно не снимало болевой синдром. Даже наоборот, ему было очень, очень больно.

Она несколько не торопилась. С любовью разворачивала какие-то блестящие инструменты. Он догадывался, для кого они предназначены.

– Я не знаю, чего вы от меня хотите, – пробормотал он, старательно отводя глаза от сияющего в проникающих сквозь занавески солнечных лучах металла.

– Повторяю: обманывать не рекомендуется. Впрочем, мне все равно. Рано или поздно ты заговоришь, хочешь ты этого или не хочешь, – усмехнулась она.

– Я не обманываю, – продолжал упорствовать пленник.

Она подошла к нему и стала рассматривать, слегка наклонив голову:

– Никогда не думала, что тайну могут доверить таким слизнякам, как вы! Какая глупость и недалекость! Вы же все совершенно недостойны ее! Глупые, трусливые, ничтожные животные!

Он не знал, что текло по его лицу, капли пота, слезы или кровь. Он чувствовал, как медленно, но верно теряет волю, рассудок, все, что делало его человеком. Он желал одного, чтобы она заткнулась! Заткнулась и прикончила его наконец. Но с безнадежной ясностью он понимал, что его конец будет очень, нестерпимо, чудовищно медленным...

Таня окинула быстрым взглядом комнату, час назад бывшую симпатичной и изящно обставленной гостиной зажиточного обитателя тель-авивского пригорода. Сейчас это помещение больше напоминало скотобойню. Она потянулась до хруста в суставах. Работа иногда была физической, а иногда и просто грязной. Но ничего не поделаешь. Молодая женщина поморщилась. «Еще пара таких контрактов, и можно выходить на пенсию», – мелькнуло в ее голове. Но клиентов в следующий раз надо будет выбирать попроще. Кого-нибудь вроде разочаровавшихся в браке супругов или злопамятных конкурентов. Если бы не астрономическая сумма вознаграждения, она ни за что бы не взялась за столь малоприятное занятие. Рассчитывала, что сыворотка правды подействует. Но уже с первой жертвой вышел прокол. Поэтому на этот раз рисковать не стала. Старые, испытанные методы были надежнее. С легким отвращением посмотрела на забрызганную кровью одежду. Прокрутила еще раз в памяти только что полученную информацию. Записывать она права не имела. Контрактом это было четко оговорено. Информация должна была оставаться исключительно в устной форме. И именно в устном виде она должна была передать только что услышанное заказчику. Кем он был, она не знала. Вспомнила первую встречу: погруженное в кромешную темноту помещение и измененный голос. Она даже не могла с уверенностью сказать, был ли ее заказчик мужчиной или женщиной. Но, впрочем, все это было ей неважно. Она прокрутила в памяти две фразы. «Я, Хранитель печати, нашедший успокоение за северным небом, прохожу по дорогам небесных судей, и обрету я имя в Великом Доме, и да не забуду имени своего в Доме Огня в ночь подсчета лет и месяцев»; «Приветствую тебя, властелин Весов, пусть скажет за меня сердце мое, да не восстанет против меня никто, и прибуду я в обитель Великого Бога, Правителя Бесконечности».

Зачем кому-то в здравом уме понадобилась эта белиберда, вопросов она себе не задавала. Татьяна Спешнева, привыкшая к более короткому и привычному в США варианту собственного имени – Таня, была профессиональным убийцей с пятнадцатилетним стажем. Она начала свою карьеру в стрелковом клубе собственного отца. Отец, Виктор Спешнев, был сначала военным, потом сотрудником КГБ, эмигрировавшим в США с пакетом важной информации. Впрочем, в лихие девяностые это делали все, кому не лень. Отец написал книгу, давал консультации, даже открыл собственный оружейный магазин. На вырученные деньги построил отличный дом в пригороде Балтимора и отдал детей в престижную школу. Но если сын после окончания Массачусетского технического университета нашел престижную работу и успешно продвигался вперед по карьерной лестнице, то дочка Таня пошла по стопам отца. Сначала она завербовалась в армию, в морскую пехоту. Пройдя Ирак и Афганистан, вышла в отставку. Но не потому, что мучили ночные кошмары и лица убиенных мешали спать. Спала она прекрасно, никаких угрызений совести не чувствовала. В общем, проблем переступить заповедь «не убий» у Тани Спешневой не было. Просто в один прекрасный момент она поняла, что рисковать собственной жизнью за сержантскую зарплату было по меньшей мере глупо. Таня была великолепным стрелком, отличалась хладнокровием, отличной памятью и полным отсутствием сострадания к ближним. Сначала она устроилась в охранную контору, потом один из бывших коллег свел ее с клиентом, которому надо было избавиться от весьма опасного латиноамериканского конкурента. Таня – спасибо папе и подготовке морского пехотинца – великолепно владела пятью языками: английским, французским, испанским, русским и арабским, умела выживать в самых экстремальных условиях, растворяться в любой толпе. Поэтому и со своей задачей она справилась великолепно. Молодой женщине понадобилось всего пять лет, чтобы войти в элитный клуб профессиональных наемных убийц. К ней могли себе позволить обратиться только самые обеспеченные клиенты. За десять последующих лет работы она успела сколотить небольшое состояние. Папа вкладывал дочкины деньги и вопросов не задавал. Он был уверен, что Танечка – сильная и умная девочка и глупостей делать не станет. И девочка никаких глупостей делать не собиралась. Она переделалась, сложила собственную одежду в заранее приготовленные полиэтиленовые пакеты, тщательно оглядела помеще-

ние. Оставлять следов права она не имела. Еще раз внимательно изучила мобильный телефон жертвы, перебрала на свой всю информацию, которая могла быть интересной, и опустила телефон в вазу с водой. Потом не торопясь вышла, села в припаркованную подальше машину и вернулась в гостиницу. Там привела себя в порядок, собрала вещи, заплатила, сдала предварительно вымытую машину в гараж и на такси отправилась в аэропорт. Только в аэропорту набрала номер заказчика. Их разговор был коротким. Она повторила слово в слово вторую фразу.

– Это все, что удалось узнать? – несколько напряженно спросил ее собеседник.

– Похоже, больше ему ничего не известно.

– Ты уверена?

– Уверена, – спокойно подтвердила Таня, – в таком состоянии не врут.

– Хорошо, что известно о третьем?

– Третий живет в Тракае.

– Это где?

– В Литве, – несколько удивилась она неосведомленности собственного заказчика.

– Его имя?

– Аркадий Тригланд.

– Он опасен?

– Пока не знаю, – благоразумно ответила она, даже если двое первых были совершенными слизняками, вполне могло оказаться, что третий был более крепким орешком.

– Ты знаешь, что делать.

– Вторая часть моего вознаграждения? – спросила она наконец о том, что ее больше всего интересовало.

– Я только что отдал приказ о переводе.

– Отлично.

– Ты знаешь, как найти третьего?

– Тракай – город небольшой, – заметила она, думая про себя, что Аркадий Тригланд явно иголкой в стогу сена не являлся. Единственной вещью, которая ее беспокоила, был звонок бен Натана в Литву. Третий был предупрежден. Но что ж, погоня от этого была только интереснее...

* * *

Уже второй день доклад о гибели двух караимских гахамов с интервалом в полторы недели лежал на столе сотрудника Третьего отдела службы общей безопасности Израиля Аарона бен Симона. Полицейские посчитали эти события заслуживающими пристального внимания. Информация поступила из отдела специальных расследований полиции Тель-Авива. Факты сводились к следующему. Первый – караимский священнослужитель Мордэхай Фиркович – стал жертвой террористического акта в Шарм-эль-Шейхе. Тело второго – Шломо бен Натана – было обнаружено в его тель-авивском доме со следами многочисленных пыток. Но какова связь? Аналитики посчитали, что связь есть.

Аарон запросил сведения на обоих. Потом набрал в поисковике «караимы» и открыл пару страниц по караимской истории. Это было нечто вроде ответвления от традиционного иудаизма, для других – сектой, для третьих – остатками исчезнувшей Хазарии. Каких гипотез только не было. Он внимательно просматривал одну за другой страницы Интернета на разных языках. Действительно, ситуация с караимами сложилась парадоксальная. Одни, караимы Израиля и США, чувствовали себя частью еврейского народа, а другие, живущие в основном в Крыму и Литве, считали себя больше тюрками, нежели иудеями, и связывали собственную историю с историей Хазарского каганата. Он просмотрел несколько разных сайтов. Помор-

щился и в сердцах ругнулся. Информация была противоречивой. Каждый выдвигаемый тезис на одном сайте тут же опровергался противниками на другом, то есть согласие наблюдалось примерно в тех же пропорциях, как и в случае совместных усилий лебедя, рака и щуки.

Итак, к кое-каким выводам прийти он все-таки смог. Караимское движение сформировалось в VIII веке в Вавилоне, его последователи признавали только Библию, отвергая раввинистическую традицию Талмуда. Впрочем, иудеям к расколам было не привыкать. Достаточно было вспомнить, что христианство в начале своего существования было одной из сект иудаизма. Однако караимству повезло меньше. Большого распространения учение не получило, если не считать кратковременного сближения с протестантизмом. Протестанты увидели в караимском учении наиболее чистую версию иудаизма, не испорченную талмудическими изысками и происками. В начале своего существования караимское учение вполне мирно уживалось с раввинистическим, и его центром был, как и полагается, Иерусалим. Тишь да гладь нарушили Крестовые походы. Часть караимской общины переселилась в Египет, а часть двинулась к Черному морю. Именно с этого момента единая караимская история закончилась. Караимы Северной Африки продолжали считать себя частью единого еврейского народа, а судьбы караимов Восточной Европы оказались тесно связанными с судьбой Хазарского каганата. Аарон покачал головой. Представления об истории хазар он имел весьма и весьма смутные. Хотя, с другой стороны, речь была вовсе не о них. Убитые караимы никакого отношения ни к Крыму, ни к Литве не имели. Если не считать одного незначительного факта. В списке последних телефонных разговоров Шломо бен Натана значился короткий звонок в Литву. Однако, найдя соответствующую информацию, Аарон ругнулся: владелец номера умер пять лет назад. Гипотеза звонка на тот свет, предупреждающего о собственном прибытии, в число рассматриваемых не входила, ответ оставался один: номер использовал кто-то из близких покойного. Внезапно у него возникло странное ощущение, что он упустил какую-то важную информацию. Стал просматривать материалы заново.

Аналитики эти два события посчитали подозрительными. Однако на первый взгляд их ничего не связывало. Да и какой интерес в убийстве караимских священнослужителей? Это движение давным-давно выдохлось и насчитывало самое большее несколько десятков тысяч последователей. Если не считать звонка в Литву, настораживали еще два факта. Первый: согласно показаниям свидетеля, некоего российского туриста Вадима Головина, Фиркович был в номере не один. Ровно за полтора часа до взрыва он привел к себе в номер проститутку. Похоже, ничего земное караимскому гахаму чуждо не было. Впрочем, бен Симону было не до морального облика священнослужителей караимства. Его интересовало другое: кем была эта женщина, тем более что никакого запроса на нее не поступило. Хотя «ночные бабочки» чаще всего обширными семейными связями не отличались. Нет, судя по всему, этот след был ложным. Не переделся же арабский террорист в представительницу древнейшей профессии! Значит, Фиркович пал жертвой заурядного террористического акта. И по счастливой случайности, отель был почти пустым. Вторым фактом, показавшимся аналитикам подозрительным, было близкое знакомство двух гахамов. Фиркович и бен Натан выросли в небольшом городке на египетском Синае. Аарон вздохнул. «Час от часу не легче», – промелькнула в его голове мысль. Ему предстояло решить, связывать эти два дела воедино или нет.

Тридцативосьмилетний Аарон только недавно был назначен на должность координатора по сбору информации. В Шабак¹ он попал после демобилизации из ЦАХАЛа² и сразу зарекомендовал себя хорошим аналитиком. Он привык опираться на собственную интуицию. Но, как ни крути, никакого смысла убивать двух караимских богословов не было. На всякий случай он еще раз просмотрел документы, потом решительно, размашистым почерком над-

¹ Шабак – Общая служба безопасности Израиля.

² ЦАХАЛ – Армия обороны Израиля.

писал: «Отложить до появления новых сведений». Закрыв компьютерное досье и переместил его в папку не заслуживающих особого интереса документов. И в этот момент какая-то смутная идея мелькнула в его голове. Бен Симон запасся терпением и начал еще раз внимательно просматривать собранные документы. Внезапно одно имя привлекло его внимание. Аарон напрягся. Этого не могло быть. Он заколебался и через пару минут решительно набрал номер Ханны.

– Привет, мне нужна твоя помощь, – просто сказал он.

– Все, что смогу, – весело откликнулась на другом конце телефонной трубки Ханна.

– Мне нужна информация на одного вашего бывшего сотрудника, – он коротко назвал имя.

– Договорились. Когда встретимся?

– Сегодня вечером в нашем ресторане.

– Откуда такая срочность? – слегка удивилась она. – Видимо, тебе очень хочется меня увидеть? Неужели соскучился? Можешь даже соврать, все равно приятно, – лукаво продолжила она.

Оба рассмеялись, и на этой ноте разговор закончился. Аарон и Ханна были старыми друзьями. Познакомились они в бытность Аарона в ЦАХАЛе, а после его перевода в секретную службу продолжали общаться. В какой-то момент они даже стали любовниками, но эта история оказалась мимолетной. Оба быстро разобрались, что люди они разные и жить вместе им трудновато. Однако на месте несложившейся любви завязалась крепкая, надежная дружба. И Аарон прекрасно знал, что на Ханну он может рассчитывать. Так и оказалось. У Ханны, как у армейского психолога, был доступ ко всем досье настоящих и бывших военнослужащих. И вечером в ресторане она спокойно протянула ему пару распечаток.

– Вот все, что удалось найти, – сказала она.

Он внимательно пробежал по строчкам глазами и присвистнул:

– Спасибо, сама не представляешь, как ты мне помогла!

– Хорошо, только ответь мне на один вопрос: почему ты не захотел делать запрос по официальным каналам?

– Пока я ни в чем не уверен, и мне не хочется привлекать внимания к этому человеку, – просто пояснил он.

– Я так и подумала. И еще у меня такое впечатление, что я слышала про него раньше, – задумчиво произнесла она.

– Все может быть, – ответил он.

– Тогда на следующий вопрос можешь не отвечать, но так, к слову: теперь я точно уверена, что говорил мне о нем именно ты...

* * *

Третий заходил по комнате. Оставаться, ждать и принять все необходимые меры предосторожности. Здравый смысл подсказывал, что именно так и надо было сделать. В любом случае, каким мог быть выход? Но третий выбрал совершенно иное. Это было внезапное и безумное решение. И, как все внезапные и безумные решения, оно могло быть принято только им самим. Посоветовать такое никто не рискнул бы. Он огляделся по сторонам, кинул на разобраный диван старый, времен юношеских походов рюкзак, наполнил его самым необходимым, прихватил дорожную сумку, взял припрятанные на всякий случай наличные и документы. Эти привычки остались у него от той, старой, жизни. Эту жизнь он перечеркнул, и ему казалось, что навсегда. Теперь, похоже, старые привычки могли спасти ему жизнь. Времени на размышления у него не было. Со времени смерти второго прошло уже четыре дня. Поэтому, не раздумывая и не оглядываясь, он вышел, захлопнув за собой дверь. Но из подъезда выходить не

стал. Остановился на лестничной клетке первого этажа, позвонил в дверь соседей. Открыл ему мальчик лет десяти.

– Родители дома, Витас? – спросил его третий.

– На работе, – коротко ответил мальчишка.

– Я могу зайти?

– Заходите, – вежливо посторонился Витас.

– Ты умеешь хранить тайны?

У мальчика зажглись глаза от восторга.

– Конечно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.